

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

АНАТОМИЯ

СТРАХА

МОСКВА

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

АНАТОМИЯ

СТРАХА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 **Анатомия страха / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Русский бестселлер).**

ISBN 978-5-04-214946-7

В течение нескольких дней в Москве одного за другим находят людей в странном состоянии: они полностью раздеты, сильно напуганы, не помнят, что с ними произошло и как они оказались в глухом заброшенном месте. Все жертвы — молодой человек, девушка и взрослая женщина — в один голос утверждают, что в какой-то момент своего «провала» они находились в незнакомой красной комнате, где их в качестве живой картины вставляли в огромную раму. Полковник МВД Лев Гуров устанавливает, что странная метаморфоза происходила с потерпевшими после встречи с одним и тем же галантным незнакомцем. Кто он — маньяк, который почему-то не трогает своих жертв, или обычный городской сумасшедший?.. Загадку покушений помогает раскрыть новое завораживающее происшествие...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214946-7

© Макеев А.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Такие выходные устраивались ими лишь один раз в год и оттого ценились как никогда. Все звезды должны были сойтись в том месте и в том порядке, в котором и требовалось. Все должно было быть правильно: и погода, и отсутствие каких бы то ни было осложнений на финансовом и личном фронтах, и отношения между участниками неформальной встречи, обращавшимися друг к другу не натянуто-формально, а исключительно по имени.

Для сбора обычно выбиралась суббота, а тусовались около гаража, недалеко от дома Гурова. Сам гараж принадлежал его соседу Виталию Бессольцеву. Машины, правда, там давно не было — после пары мелких аварий Бессольцев окончательно пересел на общественный транспорт. Как-то так сложилось, что встречи проходили именно в первые выходные сентября. Виделись и раньше, и позже, конечно, но

чтобы вот так — капитально, без нервяка, с толком и расстановкой, с разложенной на газетке засушенной рыбкой да под музыку из старого кассетного магнитофона, — то исключительно один раз в году. Для этого специально откладывались срочные дела, женам было приказано не появляться на горизонте, а мобильные телефоны дружно ставились на беззвучный режим, а то и вообще убирались с глаз долой.

Полковник полиции Лев Иванович Гуров со своим соседом по дому Виталием Бессольцевым всегда выполняли роли главных организаторов. Они обычно брали на себя закупку алкоголя и закуски. Остальные же тащили на «поляну» что-то свое, кто во что горазд. Домашние пирожки, дачные шашлыки и овощи с огорода, а также ненужную ветошь или лишние запчасти для автомобилей — всегда находилось что-то на выброс, чего не хватало для полного счастья кому-то другому. Ничто не считалось лишним, всему находилось применение.

С самого начала их было пятеро. Кроме Гурова и его соседа, ни разу не пропустили сбор братства Илья Тихомиров, Саша Венский и Олег Нетканов. Первые два были обычными инженерами, а Олег трудился

переводчиком, причем на вольных хлебах. Сколько его помнил Гуров, он постоянно изучал какой-нибудь иностранный язык, но со временем остановился почему-то на японском, который теперь уже знал практически в совершенстве. Он успел пожить несколько лет в Токио, жениться на местной жительнице неопишуемой красоты, увезти ее в Россию и благополучно развестись с ней после семнадцати лет совместной жизни. Нетканов зарабатывал переводами и репетиторством, но иногда брал на себя роль гида, особенно если за это неплохо платили. У него была настолько нескучная жизнь, что он мог рассказывать всевозможные истории в бесконечном режиме, а некоторые даже шли на бис.

Что же касается Виталия Бессольцева, то он был художником, довольно талантливым, но если дело касалось продвижения своих творений, то продавец из него был абсолютно бесхребетным. Виталик не умел торговаться, не мог преподнести свое творчество в выгодном свете, слепо верил обещаниям потенциальных покупателей непременно присмотреться к его работам, но не сейчас, а то и не послезавтра, а в каком-то непонятном будущем и, как следствие, не получал в итоге ни признания, ни

денег. За свои почти пятьдесят шесть лет жизни он так и не сумел занять свою нишу в художественном сообществе столицы. Однако его верная супруга и муза Женька верила в мужа даже после тридцати лет их совместной жизни и тащила на себе все заботы о нем и о доме. Она занимала какой-то высокий пост в радиостроительном концерне и неплохо зарабатывала, что позволяло ей регулярно выделять средства на покупку художественного инвентаря для работы Виталика, а также тащить на своих полных покатых плечах все тяготы семейной жизни. Женька даже выделила мужу одну из комнат их просторной квартиры под мастерскую, но Бессольцев проводил там не так уж и много времени. Гуров неоднократно бывал там и со временем догадался, что Виталик уже привык к такому поклонению, а может, уже и сам в себя не верит, но для жены только делает вид, что смешивает краски и мажет кистью по холсту. Возможно, жена и сама об этом догадывалась, но уже не могла остановиться. По словам Бессольцева, она выкладывала фотографии его полотен на всякие сайты, надеясь на то, что их заметят и захотят приобрести. Бог знает, почему она так сильно стремилась сделать мужа известным, тогда

как самому мужу это было не нужно, Гуров и сам этого не понимал. Но в глубине души он уважал ее за все то, что она делала для своего любимого Виталика, и даже предполагал, что настоящая любовь может выглядеть и так: несмотря ни на что, толкающей в гору бесполезный камень.

Однако в эту субботу Виталик не появился, а оставшиеся четверо участников запланированной попойки дружно заявили, что не смогут быть. Инженеров обманом заманили на дачу, причем обоим предстояло закопаться в картошке, а переводчик Нетканов сообщил Гурову, что давно не был на свидании с красивой женщиной, а сегодня вот вдруг повезло.

— Она откуда? — поинтересовался Гуров, поставив телефон на громкую связь. Сам он в это время резво натирал губкой кроссовки. — Кто-то из твоих экскурсантов?

— Киоко, — нетерпеливо произнес Нетканов и тут же добавил, пресекая все вопросы: — Не спрашивай. Ничего не знаю. Сама позвонила, сама захотела поговорить.

— А ты и не против.

— Разумеется. Я скучал, она тоже. Во всяком случае, очень хочется надеяться на то, что я не ошибаюсь.

Киоко, значит. Так звали бывшую японскую жену Нетканова. Гуров даже запомнил ее фамилию — Хада, но только потому, что ее полное имя звучало как марка автомобиля. Однако маловероятно, что Киоко позвонила Нетканову сама. Скорее это он оборвал ей телефон.

— Ну удачи тогда, — усмехнулся Гуров.

— Прости, брат, никак не смогу, — извиняющимся тоном занудел Нетканов.

— Да ничего, — перебил Гуров. — Инженеры тоже ушли в отставку.

— А Бессольцев? — с надеждой в голосе спросил Нетканов.

— Вне зоны доступа. Ну да ладно. Сколько мы встречались? Лет шесть подряд? Можно и перерыв устроить.

— Я тоже так думаю, — подхватил Нетканов. — А все ж таки странное дело, Лев. Всего-то и жили в одном дворе, а вон оно как вышло. Встречаемся, все дела...

Гурову и самому нравилась эта история. Нетканов, друзья Венский и Тихомиров, сам Гуров и его сосед Бессольцев когда-то познакомились именно тут, во дворе дома. В один прекрасный зимний день у Гурова не завелась машина, откуда-то появился Нетканов на своей «Тойо-

те», дал «прикурить», потом подошли другие, полезли под капот, тут же перезнакомились, закурили... И понеслась. На дни рождения друг к другу семьями не ходили, но всегда радостно приветствовались при встрече, могли отправиться в пивной бар, что на соседней улице, или дружно выйти на субботник. Позже трое сменили район проживания, но связи с оставшимися не теряли вот уже шесть лет. Дружбой это было сложно назвать, но, с другой стороны, как еще? Соседскими?

Нет, не подходит. Значит, все же дружба?

Гуров отставил кроссовки в сторону, уперся руками в поясницу и осторожно прогнулся назад. Где-то там, в спине, подстанывала какая-то мышца, отдавая малое, но чувствительное количество боли то под лопатку, то в копчик. Это состояние Гуров заработал в результате трехдневного нахождения в архиве, где ему часами приходилось сидеть на старом кособоком стуле да еще постоянно наклоняться, чтобы перебрать документы в ящике, стоявшем на полу.

— Ничего, пройдет, — проскрипел Гуров и поплелся в комнату, к спасительному дивану.

Он лег на спину и уставился в потолок. Запланированный выходной погиб под грудой чужих непредвиденных обстоятельств. Да и черт с ним. В конце концов, все уже взрослые дяди, у всех дела. Мужики отзвонились, предупредили о своем отсутствии. Только вот Бессольцев пропал. Он просто перестал выходить на связь. А ведь Гуров чуть было не отправился в магазин закупаться. А если бы потратился впустую?

До вечера было еще ого-го времени, но делать нечего было уже сейчас. Гуров лениво вспомнил, что кто-то другой, окажется он на его месте, уже бы, наверное, подскочил, подхватился и вместо бесполезного продавливания дивана занялся бы чем-то полезным. Например, сгонял бы на строительный рынок за краской и наконец-то перекрасил ванную. Или приценился бы к новой кухне, а то вон старая уже так и просится на пенсию. Ну или отвез бы диванные подушки в химчистку. Или, может...

Гуров внезапно ощутил некоторую радость по поводу того, что никаких встреч с непременно возлиянием сегодня не случится. Он не то чтобы устал от них, вовсе нет. Разве может утомлять то, что происходит раз в году? Тут другое: скорее

всего, совершенно не было настроения. С каждым годом событий в жизни приятелей становилось все меньше, а новые не удивляли, так как оказывались закономерно предсказуемыми, и обсуждать там было попросту нечего. Встречаясь, они не затрагивали ни детские темы, ни любовные, ни бытовые. И самое главное, ведь наверняка нашлось бы, о чем поговорить, но как-то не складывалось, что ли. Один Нетканов болтал без умолку, но, надо отдать ему должное, делал он это превосходно.

Гуров прикрыл глаза. Тишина в доме — рай для ушей. Его жена Маша служила актрисой и отсутствовала уже неделю. Она была задействована в съемках нового сериала, а натуру режиссер выбрал где-то в Казахстане, откуда сам был родом. Жили они все там, на окраине города, чтобы быть поближе к природе, на фоне которой, собственно, и происходили главные события фильма. Гуров долго ржал, когда узнал, что Маше предстояло исполнить роль матери главного героя. Представлял ее старушонкой, требовал выслать фото в гриме. Между тем сценарий фильма был довольно интересным. Маленький мальчик с мамой-домохозяйкой и отцом-физиком каким-то лучшим проваливается из нашего времени

в далекое средневековое прошлое, откуда выхода, естественно, нет. Во время перемещения на каком-то отрезке времени семья теряет папашу и оказывается в другой эпохе без защитника и кормильца. Выживают, соответственно, как могут. Сначала побираются, потом батрачат на злого дядю, но справедливость не дремлет — худо-бедно, но жизнь налаживается. Мальчик вырастает и находит-таки портал в тот мир, откуда его семью когда-то выбросило. А там, как говорится, сюрприз: его якобы исчезнувший в потоке времени отец оказывается живым, здоровым и молодым. А дальше все как в сказке — взрослый сын тащит дряхлую мать к отцу, они смотрят друг на друга круглыми глазами, но муж жену не узнает. Все просто: женщина уже превратилась в старуху, а ее муж ничуть не изменился. Но как только он вскрикивает: «Любимая!», то мать его сына тут же снова молодеет. Мистика, фантастика. За кадром слышны скупые рыдания сына, сумевшего повернуть время вспять. Или, наоборот, ни хрена не сумевшего, потому что вскоре выясняется, что папаша нарочно сбавил семью в далекое прошлое в целях эксперимента, но что-то недожал в расчетах.

Мать мальчика должны были играть две актрисы. Маше досталась роль женщины в старости. А роль молодой мамыши режиссер подарил своей жене — юной актрисе, только что окончившей театральный вуз. По этому поводу Гуров тоже веселился от души.

— Ну что, старая? — радостно звал Машу Гуров. — По валокординчику на ночь накатим?

— Иди в задницу, Лева! — дежурно отзывалась Маша.

— И не стыдно в твои-то года так выражаться? — с трудом сдерживал смех Гуров.

— Гуров!

А потом актриса Строева укатила на съемки. Так что пока Гуров жил без жены. Отдыхал. И она наверняка без него отдыхала, несмотря на то что работала. Иногда это было необходимо им обоим.

Звонок в дверь заставил Гурова резко приподняться на локте. Это кто там пришел? Бессольцев объявился?

— Это я, — скорбным голосом произнесла жена Виталия, стоя на пороге и с тоской глядя на Гурова. — Занят?

Вид у Женьки был не очень. Гуров всегда отмечал про себя ее опрятный внеш-

ний вид. Видно, положение обязывало ее выглядеть на все сто даже дома. Это Бессольцев вечно шаркал в разбитых шлепанцах и мятых футболках, а вот Женя даже в выходные выглядела аккуратно: в модном спортивном костюмчике и с аккуратно уложенными волосами. Но сейчас перед Гуровым стоял совершенно другой человек. В том же костюме, но вот при взгляде на лицо сразу становилось понятно, что что-то случилось. Как минимум что-то нехорошее, и это еще было мягко сказано.

— Он не у тебя? — слабо спросила Женя.

Глупо было уточнять имя того, о ком она спрашивает. Но Гурову и самому хотелось бы задать ей тот же вопрос.

— Виталий? Нет, — пожал он плечами. — Мы не...

— Вы должны были сегодня встретиться, я помню, — перебила его Женя. — Ваши ежегодные пьянки в гаражах.

— Да, — согласился с ней Гуров. — Я ему звонил, но он не ответил. Занят, наверное?

— Чем он может быть занят? Пропал. Он пропал, — закатила глаза соседка.

— Ну как... — растерялся Гуров. — Рисует что-нибудь?

— Художники не рисуют. Художники *пишут*. Но мой муж, кажется, не художник.

— Да ладно тебе, Женя, — примири-
тельным тоном произнес Гуров.

— Удели мне время, Лева, — попроси-
ла Женя. — Или меня разорвет на части.
Минуту. Или две.

Она сделала шаг вперед, не спросив
разрешения войти. И только в этот момент
Гуров догадался, что Женька была пьяна.
Да не просто пьяна, а давно и достаточ-
но сильно. Взгляд казался ясным до тех
пор, пока Женька смотрела в одну точку,
но стоило ей перевести его в сторону, как
становилось понятным, что она с трудом
фокусирует зрение. Походка дерганая, хоть
она и старалась идти ровно, но пальцы рук
она держала растопыренными, готовыми
сразу найти опору. Странно, но сладкова-
тый аромат перегара Гуров тоже почувство-
вал не сразу. Наверное, хорошо поработал
сквозняк, вытягивая воздух из квартиры на
лестничную площадку, а не наоборот. До-
стичь такой степени опьянения быстро не
удастся — похоже, жена Виталика начала
«лечиться» как минимум несколько часов
назад, а то и с прошлого вечера.

Гуров посторонился, пустил соседку
в квартиру и запер дверь. Женя в нереши-

тельности остановилась, не зная, куда ей идти.

— Маши нет? — вытянула она шею, пытаясь зачем-то заглянуть в комнату.

— На съемках.

— Далеко они?

— Далеко, — кивнул Гуров.

— А надолго?

— Да кто их знает? Обещала быть на днях, но, как видишь, не срослось. Проходи на кухню, Жень. Кофе будешь? Или чай?

— А выпить у тебя найдется?

Вот этого Гурову совсем не хотелось. Ни пить, ни поить кого-либо в своем доме он не собирался. Другое дело — ежегодная встреча старых приятелей. То, что там происходило, никогда не выливалось за рамки дозволенного. Пива было ровно столько, чтобы после добраться до дома на своих двоих.

— Ты на меня так не смотри, — угрожающе произнесла соседка. — Я в порядке.

— Ты в порядке, — согласился Гуров. — Давай-ка по кофейку. Крепче у нас ничего нет.

Гуров солгал намеренно — благородные напитки в их с Машей семье присутствовали постоянно, поскольку, как редко

ты их ни принимай, появлялись с завидной регулярностью. Это были презенты от Машиных поклонников, а то и подарки Гурову от коллег. Реже спиртное покупалось в магазинах, но такое тоже было. Однако, несмотря на стабильный приток алкоголя, редкое вино, дорогой коньяк и благородное шампанское были нечастыми гостями на столе. Обычно бухло принималось в малых дозах и только по поводу. Хотя пару раз, надо признаться, Гуров мог откупорить бутылочку и просто так, потому что уж слишком красивым явился в августе закат, или Маше захотелось сделать глоточек под интересный фильм, или происходило что-то еще, что никак нельзя было назвать серьезной причиной для повода выпить. Но внезапный визит уже нетрезвой Женьки Бессольцевой никак на него не тянул. Спиртное могло усугубить ее нервное состояние, а в том, что так оно и будет, прими она на грудь еще немного, Гуров даже не сомневался.

С кофе он тоже придумал удачно. Крепкий напиток мог соседке только навредить, но Гуров вовремя вспомнил, что на полке хранится банка кофе без кофеина, которую Маша прикупила в Чехии. Вот